

РОЗДІЛ IV ПОЛІТИЧНІ СТУДІЇ

*Ю.А. Реент
(Россия)*

ПОЛИЦИЯ УКРАИНЫ В СОСТАВЕ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ начала XX в.

Общеизвестно, что к числу важнейших государственных институтов повсеместно относят полицейскую систему. Особое внимание ей уделяется в периоды социально-политических кризисов, обострения криминогенной обстановки. В отношении деятельности подобных структур особо актуальна народная поговорка, призывающая учиться на чужих ошибках, а не на собственных. Представляется важным, что такой опыт, богатый, но малоисследованный, есть в нашей собственной истории. Год 2007-й в определенном смысле является трижды юбилейным: 100 лет назад завершилась первая в Российской империи революция, а 90 лет назад свершились Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская социалистическая революции. Оценки деятельности правоохранительных структур в столь непростой исторический период отнюдь не бесполезны и могут вызвать неподдельный интерес не только историков, но и политологов, правоведов. Рамки статьи не позволяют делать широкого охвата событий, но некоторые акценты на структуру и характер деятельности полиции в украинских регионах вполне оправданны и объяснимы.

***

Исследование отечественной полиции предполагает предварительную дефиницию этого понятия. В зависимости от характера решаемых задач можно выделить целый ряд организационных форм, составляющих ее. По оценкам представителей МВД Российской империи, это была не просто многофункциональная, но и многомерно структурированная организация. Впрочем такое мнение представляется справедливым лишь до определенной степени, поскольку в основании классификации полицейских служб положены совершенно различные признаки.

В широком смысле следует признать вполне достаточным подразделение полиции на общую и политическую. Последняя состояла из жандармских управлений и команд различного профиля, а также охранных отделений. В свою очередь наиболее многочисленная общая полиция включала городские, сельские, специализированные и вспомогательные органы. К специализированным можно отнести сыскную полицию, уездную полицейскую стражу. Вспомогательными же видами целесообразно назвать речную, фабрично-заводскую, ярмарочную полицию, частноохранную стражу. При этом большинство из них следует воспринимать в качестве составных частей в первую очередь городской полиции.

Согласно Своду законов о её обязанностях городские полицейские управления учреждались только “в тех городах, посадах и местечках, кои не подведомственны уездной полиции”¹. К таковым относились лишь губернские и небольшое количество уездных центров. Казалось бы, в общей структуре полиции это было не самое распространенное, а значит, и не самое важное звено. Однако подобное мнение не соответствует истине. Именно в недрах городских полицейских управлений расследовались самые громкие дела. Здесь формировались и реализовывались новые под-

ходы к правоохранительной деятельности, отрабатывались различные формы использования карательного механизма государства.

Особенностью деятельности полицейских формирований Украины, как составной части общероссийской системы, в начале XX в. являлась высокая степень их автономности. Каждое городское или уездное управление существовало как бы само по себе, не обладая достаточными контактами для организации взаимодействия с соседями. Все должностные лица городской полиции в своих полномочиях ограничивались исключительно границами города (с пригородами и слободами), где они были учреждены². При этом, в отличие о жандармерии, у них не существовало губернского сугубо полицейского координирующего центра, что, безусловно, осложняло исполнение управленческих функций, вносило значительные затруднения при расследовании многоэпизодных преступлений с широкой географией их совершения.

Впрочем общее руководство все же осуществлялось. Старшим должностным лицом в структуре местной полиции являлся губернатор, а главным руководящим и контролирующим органом – губернское правление. Тем не менее функционеры этих учреждений непосредственно служащими полиции не являлись. Специфики ее в должной мере они не знали, да и занимались вопросами охраны общественного порядка постольку, поскольку того требовали приходящие нормативные документы наряду со многими другими проблемами, находящимися в пределах ведения внутриведомственного ведомства.

Профессиональное руководство городской полицией было сосредоточено в руках полицмейстера и его помощников. При нем состояли соответствующие канцелярии под заведованием секретаря, рассыльные и городской врач. В семи крупнейших центрах, три из которых располагались в Украине (Керчь, Одесса, Николаев), три – в русскоязычной России (Москва, Ростов на Дону и Санкт-Петербург) и один – на Кавказе (Баку), во главе городской полиции состояли градоначальники, равные по своим полномочиям губернаторам³.

Территория города в полицейском отношении делилась на части. За обеспечение правопорядка и благочиния в них отвечали частные приставы с помощниками, городские приставы с помощниками, полицейские и околоточные надзиратели. Нижней ступенью в этой служебной лестнице являлись должности конных и пеших городовых. Организационно в состав городской полиции входили сыскные отделения и пожарные команды, деятельность которых была настолько специфична, что позволяет выделить их в самостоятельные группы. Функции служащих городской полиции были разнообразны и многочисленны. Объединяющей же их была обязанность “охранять общественное спокойствие и следить за проявлением каких бы то ни было действий и толков, направленных против правительства, законных властей...”⁴

Сельская полиция по своему устройству напоминала городские полицейские управления, но обладала и рядом специфических особенностей. Еще со времен Киевской Руси существовала так называемая десятичная система управления, сложившаяся как структура формирования воинских отрядов. Наиболее широкие полномочия сосредотачивались у тысяцких, то есть военачальников, которым подчинялось войско численностью в тысячу воинов. Сотские и десятские командовали соответственно сотней и десятком человек. Со временем их функции трансформировались в область судопроизводства и административно-полицейского управления⁵. К XIX веку их статус кардинально видоизменился. Ими уже стали крестьяне, избираемые для исполнения общественных повинностей от ста или десяти дворов. Несмотря на намерение МВД ликвидировать институт сотских и десятских как нижней ступени в полицейской иерархии, в сельской местности продолжение их использования оп-

ределялось не столько традицией, сколько объективной необходимостью.

Циркуляром МВД от 3 июля 1900 года излагалась просьба ко всем губернаторам, как старшим полицейским руководителям на местах, сформулировать предложения по реформе сельской полиции, учитывая не только организационную, правовую, но и финансовую сторону проекта. Предлагалось все уезды вместе с находящимися в них городами передать под юрисдикцию уездной полиции. Организационно её составляли полицейские управления, возглавляемые уездными исправниками. Они координировали деятельность своих помощников, канцелярий под заведованием секретарей и непосредственных исполнителей на местах – станowych приставов с их помощниками⁶.

Должность уездного исправника несла с собой определенный материальный достаток и относительно высокое по сельским меркам социальное положение. Ознакомление со списками губернских чиновников показывает, что не только уездные исправники, но и их помощники нередко состояли в чине надворного советника. Он приравнялся к воинскому званию “подполковник”. В материалах МВД о поощрении этой категории полицейских чиновников часто встречаются имена крупных землевладельцев и именитых дворян. Например, за хорошую организацию службы и подавление аграрных беспорядков в январе 1907 года были представлены к орденам исправник Сосницкого уезда Черниговской губернии князь Ширинский-Шахматов, по Харьковской губернии – исправник Изюмского уезда барон Рауш фон Траубенберг и др.⁷

Статус человека, принадлежность его к тому или иному сословию нередко играли определяющую роль. На верхних этажах власти критерии оценок службы были своеобразными. Например, в ответ на просьбу полтавского губернатора о награждении командира Кайтовской команды полицейской стражи орденом за героизм, проявленный при спасении чинов полиции во время аграрных беспорядков, в собственной его императорского величества канцелярии стали уточнять: а состоит ли этот офицер в дворянском сословии⁸? Отрицательный ответ вызвал и отрицательное решение.

Административно территории уездов подразделялись на волости. В полицейском же управлении они делились на станы. Стан не всегда соответствовал волости. На это существенное влияние оказывали местные особенности, как-то: наличие крупных ярмарок, железнодорожных станций либо речных пристаней и т. п. Обычно стан формировался на территории, где проживали до 40 тыс. человек. В селах и крупных деревнях из расчета не менее одной должности на волость старшим полицейским начальником назначался урядник. Следует заметить, что должность эта была введена не повсеместно.

В начале 1903 г. Государственный совет сформулировал “Мнение об учреждении в 46 губерниях европейской России полицейской стражи”. Этой силовой структуре предопределялось выполнять задачи по обеспечению “благочиния, общего спокойствия, безопасности и порядка в местностях, подведомственных уездной полиции”⁹. В это предприятие вкладывалась реформаторская идея. Во-первых, одновременно с введением уездной полицейской стражи предполагалось упразднить должности урядников, сотских и полицейских рассыльных. В иерархии сельской полиции, кроме уездного полицейского управления и стражи, оставались только десятские.

Во-вторых, учреждение полицейской стражи выводило административное управление в сельской местности на качественно новый уровень. Появилась возможность иметь представителей властных структур во всех крупных населенных пунктах, а не только в уездных центрах и части волостных. Если раньше губернатор обрушивал на крестьян всю силу репрессивного аппарата, становясь зачастую лично во главе карательных экспедиций (как, например, в Харькове И.М.Оболенский в

1902 г.)¹⁰, то теперь он мог опираться на непосредственно подчиненную ему местную власть. Учитывая, что многие сановники, подобно подольскому губернатору А.Эйлеру, считали, будто для “водворения спокойствия достаточно переловить агитаторов, высечь крестьянских вожаков и выслать забастовщиков”, то нововведение пришлось им по душе¹¹.

Органы общественного управления старались оказывать посильную помощь в деле укрепления сельской полиции. Например, Екатеринославское губернское земское собрание 20 декабря 1907 года приняло решение выделять ежегодно 80 тыс. руб. на “воспособление полиции по расходам, сопряженным с раскрытием преступлений, преследованием и поимкой воров, грабителей и прочих преступников”¹². Что же касается представителей официальных властей, то их нерадивость в данной сфере наказывалась достаточно строго. Так, промедление в поимке шайки А.Савицкого, действовавшей более полутора лет, только за три месяца 1908 года совершившей 32 вооруженных ограбления и 4 убийства, стоила черниговскому губернатору смещения с поста¹³.

К специализированным правоохранительным органам можно отнести сыскную полицию, повсеместно учрежденную законом от 6 июля 1908 года. Заметим, что сыскная часть Киевской городской полиции в виде эксперимента была создана ещё в 1880 г.¹⁴ Согласно же новому закону, на территории империи “для производства розыска по делам общеуголовного характера как в городах, так и в уездах” учреждается 89 сыскных отделений четырех разрядов¹⁵. Наиболее мощные подразделения – I-го разряда – создавались только в трех городах: Киеве, Харькове и Тифлисе. Основным критерием при определении разряда была численность населения. Для первой категории ее минимальная величина определялась в 190 тыс. жителей. Москва, Санкт-Петербург и Варшава выделялись в особую группу, где штаты полиции устанавливались в отдельном порядке. Сыскные части второго разряда учреждались в городах с населением от 90 до 190 тыс. чел. Третьему разряду соответствовали города с населением 35 – 90 тыс. жителей. В 19 городах с населением менее 35 тыс. человек так же было решено создать сыскные отделения четвертого разряда¹⁶.

Как вспомогательные виды оценивались фабрично-заводская, ярмарочная полиция, частноохранная стража. Точкой отсчета в создании фабрично-заводской полиции МВД стал закон от 1.02.1899 г. “Об усилении состава полиции в районах промышленных заведений”¹⁷. В некоторых отношениях схожая с ней горная полиция появилась в 1803 г., но структурно она входила в состав Министерства финансов¹⁸. Немногочисленные подразделения последней в 1913 г. было рекомендовано упразднить¹⁹. Предназначением фабрично-заводской полиции МВД определялось “наблюдение за наружным порядком и благочинием на фабриках, а также пресечение вредного на рабочих влияния неблагонадежных личностей”²⁰.

Таблица

Численность фабрично-заводской полиции в некоторых из городов Российской империи (по сост. на 1.01.1911 г.)²¹

Город	Численность населения	Полицейских надзирателей	Городовых	Всего чинов фабр. полиции
Киев	352 389	-	-	-
Казань	177 721	3	17	20
Москва	1 472 600	13	86	99
Одесса	549 510	-	19	19
С.-Петербург	1 826 714	18	58	76
Славяносербск	4 291	3	70	73

Фабрично-заводская полиция империи имела двойственный организационно-территориальный характер. В городах к ней относились специальные городские и полицейские надзиратели. На крупных предприятиях и шахтах, расположенных в сельской местности, могли учреждаться должности урядников. Штат фабрично-заводской полиции определялся не столько числом рабочих, сколько финансовыми возможностями города и предприятий. Сопоставить эти соотношения позволяют статистические материалы, приведенные в таблице. Так, количество фабрично-заводской полиции Славяносербска Екатеринославской губернии почти равнялось соответствующему показателю для Санкт-Петербурга, тогда как численность их населения отличалась более чем в 425 раз.

Схожие функции, состоявшие в наблюдении «за торговым мореходством и морскими промыслами», осуществляла портовая полиция, учрежденная в торговых (гражданских) портах Санкт-Петербурга, Риги, Одессы и Николаева. Командование ее чинами осуществлял капитан порта, подчиненный портовому присутствию во главе с местным губернатором²².

С начала 1916 г. полиции вменяли в обязанность проверку удостоверений военнослужащих и при необходимости – задержание их не только в случаях нарушения общественного порядка, но и при неправильно оформленных увольнительных и отпускных документах. Конечно, армия – это прежде всего люди с оружием, упустить контроль над ними опасно. Однако и без войсковых arsenалов доступность вооружения была велика. Ширилось подпольное их производство, что обуславливалось ростом криминального спроса. Так, под Севастополем была ликвидирована целая «подпольная фабрика бомб», принадлежавшая партии эсеров²³.

Особого рассмотрения требуют формирования политической полиции, основу которых составляли подразделения Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ). Внутри её наблюдалось несколько функционально разнородных структур. В первую очередь следует отметить Заграничную агентуру Департамента полиции и так называемые охранные отделения. Комплектовались они по смешанному принципу, хотя все же основная часть руководящего состава являлась жандармскими офицерами. Названные службы взяли на себя основной груз оперативно-розыскной работы, оставляя за чинами ОКЖ дознание, предварительное следствие и административную практику. Некоторая специфика наблюдалась в деятельности жандармской полиции по охране железных дорог. Бесспорна особая значимость этих двух ветвей полицейской системы, но к их освещению обратимся чуть позже. А сейчас уделим немного внимания вспомогательным структурам политической полиции.

Начнем с характеристики деятельности крепостных жандармских команд. В научной литературе упоминаний о последних явно недостаточно. Широко известны описания их только в двух политических тюрьмах, расположенных в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Реально же насчитывалось 26 таких формирований, среди них на территории Украины – Николаевская, Киевская, Керченская, Очаковская и Севастопольская. Учитывая масштабы империи, это, конечно же, немало.

Служащие крепостных жандармских команд отвечали за соблюдение паспортного режима, наблюдали за окружающей местностью, препятствуя попыткам произвести осмотр и разведку укреплений, фотографировать и прочее²⁴. Кроме того, им могли поручаться дополнительные обязанности. Так, с 1902 г. на Керченскую крепостную команду возложили полномочия жандармской полиции по охране железных дорог на участке одноименной железнодорожной ветки. Нередко область вопросов, состоявших под юрисдикцией крепостных команд пересекалась с полем деятельности губернских жандармских управлений. Если оставить субъективные составляющие, то деятельность крепостных жандармских команд оценивалась Департаментом полиции как чрезвычайно важная, а по ряду позиций просто незаменимая.

Во многом аналогичные функции были возложены на портовые жандармские управления. Решение об их формировании было принято в 1901 году. Штатную численность первого из них – Николаевского управления – определили в 39 человек: начальник управления – 1, адъютант – 1, помощники – 2, вахмистры – 3, унтер-офицеры – 32. Благожелательное отношение к нововведению разогрело аппетиты жандармского руководства. В еще неутвержденный проект вносятся изменения: добавить дополнительно должности помощника, вахмистра, 28 унтер-офицеров и 5 писарей, включить ассигнования на содержание плавсредств в размере 25 тыс. рублей в год. Результатом этого явилось письмо министра финансов в МВД, где он сообщил, что в представленном виде проект учреждения портовых жандармских управлений не может быть принят²⁵.

Жандармские дивизионы и команды как разновидность подразделений ОКЖ с начала до конца рассматриваемого периода количественно не изменились. Их служащие обязывались присутствовать при исполнении правительственных распоряжений и судебных приговоров, предназначались для патрульно-постовой службы, поддержания правопорядка во время массовых мероприятий, охраны ценностей, конвоирования и охраны политических и наиболее опасных уголовных преступников и др. По-прежнему было три дивизиона – в Санкт-Петербурге, Москве и Варшаве. Существовали также функционально близкие им Одесская конная, Сахалинская и Камчатская пешие жандармские команды.

О преобразовании в дивизион городской конной жандармской команды упорно ходатайствовал в течение 1902–1903 гг. одесский градоначальник. На его прошение император Николай II собственноручно начертал: “Полицию необходимо усилить значительно”. Организационная работа закипела. Правда, вместо запрашиваемых эскадрона жандармов, 100 конных стражников и 100 пеших городских, МВД разрешило ввести только 50 должностей. Надо заметить, что и это было неплохо, поскольку существующий штат команды составлял 51 единицу. Реальные сложности начались после выяснения, что половину средств на их содержание должно было выделяться из городского бюджета. К ежегодно выплачиваемой населением Одессы для содержания полиции сумме в 189 600 руб. добавлялось еще 17 300²⁶. Это было уже явно “не по карману”. Попытка решить проблему за счет переноса расходов на Военное министерство удалась частично, да и то лишь через несколько лет.

Рассмотренные выше подразделения правомерно оценить как вспомогательные службы, а базовым элементом не только Отдельного корпуса жандармов, но и всей политической полиции по праву следует назвать губернские жандармские управления (ГЖУ). Представляется целесообразным исследовать состав, основные цели, направления и методы работы названных подразделений в социально-политических условиях начала XX в.

Нижние чины жандармских управлений, как и крепостных жандармских команд, комплектовались унтер-офицерами всех родов войск, принимаемыми на сверхсрочную службу, а также из запаса армии и отставников. Писари в частях пополнялись молодыми солдатами по распределению Главного штаба из числа окончивших писарские классы или военнотружущими из запаса и отставников.

Офицерский состав ОКЖ комплектовался переводом по личному желанию из войсковых частей. В жандармерию принимали офицеров в чине не выше капитана или ротмистра, не проходивших по суду или следствию, не имевших казенных и частных долгов. Не допускались к этой службе офицеры польского происхождения, католического вероисповедания, женатые на католичках и евреях, хотя бы и крещеные²⁷. В конце 1913 года “Положение о приеме офицеров в ОКЖ” дополнили возрастным цензом – от 24 до 33 лет.

Согласно статье № 579 книги III Свода военных установлений (раздел 5, свод

3-й) к чинам Отдельного корпуса жандармов предъявлялись требования: 1) по обнаружению и исследованию преступлений; 2) по охранению внешнего порядка, благочиния и общественной безопасности в районе железных дорог; 3) по охране железных дорог, сопровождению охранных поездов, высылаемых с целью восстановления движения, конвоированию почтовых вагонов, по охране лиц, перевозящих казенные суммы; 4) по охранению общественного порядка и общественного спокойствия в местностях, состоящих на военном положении; 5) по осмотру паспортов в некоторых портах и пограничных местах; 6) по надзору за содержащимися в местах заключения государственными преступниками и лицами, обвиненными в государственных преступлениях; 7) по несению военно-полицейской службы в крепостях и их районах; 8) по несению полицейской службы в некоторых портах; 9) по заведению строевой частью уездной полицейской стражи²⁸.

Кроме вышеназванных, к числу важных задач политического сыска была отнесена перлюстрация, т. е. вскрытие и копирование писем разного рода политических деятелей. Еще А.Х.Бенкендорф оценивал ее как лучшее из средств тайной полиции, поскольку «оно действует постоянно и обнимает все пункты империи»²⁹. Осуществляли просмотр не сами жандармы, а особо доверенные лица из числа чиновников Департамента почт. Работали они в так называемых «черных кабинетах», существовавших при почтамтах крупных городов: Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы, Киева, Харькова, Риги, Тифлиса, Томска, Вильно. В последних трех городах незадолго до революции «черные кабинеты» были закрыты³⁰. И все же объемы перлюстрации были чрезвычайно велики. Как мы видим, около половины всех постоянно действующих пунктов её в империи сосредоточились на территории Украины. Эффект от их работы был очевиден.

Многим из поднадзорных революционеров была свойственна недооценка роли конспирации в работе, что приводило к тяжелым для них последствиям. Только по юго-западу империи в 1902 г. «засветились» 16 их групп, в адреса которых регулярно поступали письма, содержащие недоступные без соответствующей обработки тексты. В сетях жандармов оказались основные революционные кружки Киева, Одессы, Николаева, Харькова, Кишинева. Через них постепенно стали выявляться аналогичные группы в Москве, Смоленске, Севастополе, Ялте, Ровно. И если бы не случайный арест некоего Басовского, который спугнул многих революционных деятелей, то были бы вскрыты и ликвидированы все основные антиправительственные центры. Но даже мероприятия, проведенные Департаментом полиции как бы вдогонку, впечатляют результатами. Одних только руководителей и лидеров групп было задержано несколько десятков: в Харькове и Кишиневе – по 3, в Москве – 7, в Киеве – 16 и так далее³¹.

Признаем все же, что для достижения правоохранительных целей более цивилизованным представляется метод предупреждающего ареста. При толковом полицейском руководстве он не менее эффективен. Например, в преддверии первомайской демонстрации 1904 г. начальник Киевского ГЖУ распорядился произвести арест до 150 наиболее активных агитаторов. В результате традиционных беспорядков удалось избежать. Однако «предупреждающий арест ограничивался 5 днями, тогда как за участие в демонстрации полагалось отсидеть 3 месяца»³². Недостатком метода был кратковременный эффект от его воздействия. Департамент полиции с сожалением констатировал: «Аресты и наказания... не сокращают революционного движения, и лица, понесшие наказание за свою революционную деятельность, не только впоследствии не прекращают, но даже занимаются ею во время отбытия самого наказания»³³.

Бывший заведующий особым отделом Департамента полиции Л.А.Ратаев в письме к другу писал: «Наряду со слабостью государственной полиции замечалось

еще и полное отсутствие всяких способов воздействия на надвигающуюся революцию. Ссылка существовала только на бумаге... Тюрьмы не существовало вовсе. При тогдашнем тюремном режиме революционер, попавший в тюрьму, беспрепятственно продолжал свою прежнюю деятельность. Тебе, конечно, памятен знаменитый факт, установленный дознанием, что киевский революционный комитет, сидевший в полном составе в киевской тюрьме, руководил в городе забастовкой и выпускал воззвания³⁴. В свете вышесказанного представляется вполне естественной разрастание народной смуты.

В начале XX в. наиболее крупной жандармской структурой империи, превосходящей по численности личного состава все остальные, вместе взятые, были жандармские полицейские управления железных дорог (ЖПУЖД). Из 28 таких управлений на территории Украины действовало только 5 (Московско-Киевская, Киевско-Кременчугская, Харьковская, Харьковско-Царицынская, Одесская), но именно они относились к регионам с наиболее интенсивным движением транспорта и политически активным населением. Жандармам, проходящим службу на отчужденных для железных дорог территориях, придавались все полномочия, предусмотренные для общей полиции. К важнейшим сферам их деятельности следует отнести: борьбу с забастовками и саботажем; контроль за общественно-политическими объединениями и предотвращение терроризма; организацию охраны железных дорог, особенно в условиях военного времени; профилактику и предварительное расследование уголовных преступлений, административных правонарушений. В то же время к проведению дознаний по политическим преступлениям они долгое время не допускались.

В отличие от губернских жандармских управлений ЖПУЖД своей деятельностью охватывали территории нескольких сопредельных губерний. Каждому из них передавалось под охрану до 2000 верст транспортных коммуникаций. В крупнейших железнодорожных узлах были созданы отделения, охватывающие до 200 верст пути. Руководство ими осуществляли жандармские офицеры, как правило, в чине до подполковника. Ближайшим помощником начальника отделения был вахмистр, отвечавший за контроль и управление 20–30 унтер-офицерами³⁵. За каждой станцией должен был быть закреплен хотя бы один жандарм. Они и составляли лицо транспортной полиции на местах.

Вследствие недостаточного финансирования и отсутствия специализированного уголовного сыска число преступлений на железных дорогах, в первую очередь краж, имело устойчивую тенденцию роста. В 1907 г. на Московско-Киевской железной дороге было составлено 24 407 протоколов об утрате или повреждении грузов, а в 1908 г. число последних выросло до 28 631. Темпы прироста их в 1909 г. сохранились приблизительно в тех же пределах. Практические работники не уставали утверждать, что необходимым условием перелома в данном направлении службы могло бы стать введение “уголовной разведки”.

В августе 1902 г. принимается решение о создании при городских полицейских управлениях розыскных отделений в одиннадцати наиболее крупных и в политическом отношении значимых центрах. Согласно выработанному положению о начальниках этих органов занимать указанные должности могли как жандармские офицеры, так и чиновники Департамента полиции, но в обоих случаях – по выбору директора названного ведомства. Им же определялся и район деятельности розыскных отделений, который обычно ограничивался двумя-тремя крупнейшими городами губернии. Тесная взаимосвязь с жандармским управлением отнюдь не означала подчинения ему. Скорее здесь речь должна была идти о взаимном сотрудничестве.

Впрочем реальная зависимость вновь образованных органов политического сыска от традиционных жандармских учреждений была очевидна хотя бы уже ввиду того, что длительное время отсутствовала должная нормативно-правовая база.

Вскоре по аналогии с существовавшими учреждениями тайной полиции розыскные отделения переименовали в охранные и вывели из состава общей полиции. За относительно короткий срок органы тайного политического сыска густой агентурной сетью опутали всю территорию империи. Со временем под “охранкой” стала подразумеваться политическая полиция вообще, но в действительности этот термин обозначал лишь одну из структур, подчиненных Департаменту полиции. Несмотря на относительно малую численность штатных работников охранных отделений, значение этого государственно-правового института было многократно весомее. Особенно повысился их реальный статус после формирования межрегиональных органов управления – районных охранных отделений (РОО).

Основное внимание в их деятельности было нацелено на западные и центральные районы империи. Именно там сосредоточились наиболее крупные промышленные и культурные центры. Исходя из этого, вполне объяснимо, что из первых восьми РОО три были размещены на Украине (Харьков, Киев, Одесса), три – в Прибалтике (Петербург, Вильно, Рига) и только Московское с Самарским районные охранные отделения представляли всю оставшуюся Россию³⁶. Позже было решено сформировать еще несколько РОО, но интерес к подобным учреждениям у руководства ведомства стал угасать.

Это не вполне увязывалось с реальными потребностями МВД. Только узкая специализация в полицейской деятельности могла обеспечить ей успех. Организационная пестрота политических партий и течений порою вводила полицию в заблуждение при определении, кто есть кто. К примеру, только в Киеве в 1912 г. действовала 21 “патриотическая” организация черносотенного толка: Монархическая партия, Клуб националистов, общество “Русский богатырь”, Союз русских рабочих, Русское собрание, Академическая партия студентов и т. п.³⁷

Департамент полиции внимательно отслеживал также потенциальные возможности масонских лож. Среди исследователей есть оценки их, как чуть ли не главной силы, подготовившей падение самодержавия³⁸. В деятельности кадетов также находили слишком яркое отражение “влияние западничества, космополитизма и начала безверия”³⁹. Данная позиция наиболее активную поддержку находила в полицейских структурах западных и центральных регионов страны. К примеру, самой сильной партией Черниговской губернии, по оценке местного ГЖУ, представлялись кадеты. Несмотря на умеренность их политических взглядов, озабоченность жандармов была обоснована. Дело в том, что членами партии состояли “весьма зажиточные люди”, занимавшие “видное положение в местном обществе”. Опасения вызывало, что “ввиду предстоящих выборов в 4-ю Государственную думу (они) не прочь вредно влиять на остальную часть населения”⁴⁰.

Не давали расслабиться и рабочие комитеты. В частности под их руководством политическая стачка в конце 1905 г. охватила Санкт-Петербург, Екатеринослав, Луганск, Саратов, Ростов на Дону, Новороссийск, Тверь, Киев, Одессу и многие другие города и населенные пункты. Наивысшим же пиком стало декабрьское вооруженное восстание в Москве. Революционное движение охватило сельские районы, в губерниях грабили и жглись помещичьи усадьбы.

Множившиеся террористические акты все чаще достигали не только мелких чиновников от полиции, тюрем и судов, но и крупных государственных деятелей. Наиболее широкую известность в этом смысле получили убийства эсерами министров внутренних дел Д.С.Сипягина в 1902 г., В.К. Плеве в 1904 г., П.А.Столыпина в 1911 г.⁴¹ Последний из них одновременно являлся Председателем Совета министров. Позже появилось немало предположений о причастности к этому представителей высших политических сфер⁴². Были подозрения, хотя и без достаточных обоснований, относительно начальника Дворцовой охраны жандармского генерала А.И.Спиридовича

и начальника Киевского охранного отделения жандармского подполковника Н.Н.Кулябко⁴³. И все же думается, что личные взаимоотношения между высшим и местным полицейским руководством могли варьироваться от самых лучших до предельно натянутых, но это не заслоняло главного – общности служебных интересов. И те, и другие были крайне заинтересованы в том, чтобы на вверенной им территории не допускалось серьезных беспорядков, в первую очередь характеризуемых политической направленностью.

К революционным партиям и группам, по понятным причинам, отношение было особое. Здесь речь шла не только о наблюдении, но и о полной их ликвидации. Оснований для этого было более чем достаточно. Например, анархисты в Николаеве и ряде других мест организовывали кустарные мастерские, кооперативы, коммуны, где под прикрытием производственной деятельности проповедовали свои воззрения⁴⁴. Резкое снижение политической стабильности на рубеже 1916–1917 гг. предельно точно определило их цели. “Начатый террор, – отмечалось анархистами-коммунистами, – будет продолжаться и революционизировать общество. Этот период революционные организации должны использовать на подготовку масс, чтобы выбрать подходящий момент, которым воспользоваться для начала серьезных революционных выступлений”⁴⁵. Надо отметить, что в известной мере им совместно с другими антиправительственными силами удалось это сделать в ходе Февральской революции.

Правоохранительные структуры и приемы их работы, разработанные Департаментом полиции в начале века, с достаточной эффективностью использовались в годы революции 1905–1907 гг., но в общественно-политических условиях Мировой войны оказались совершенно недостаточными. К 1917 г. критическая взрывная масса в обществе не только сложилась, но и оформилась. Вина за то, что “детонатор” все же был “изготовлен” и поднесен, в первую очередь ложится на царя, его правительство и лишь опосредствованно, на полицию. Проблемы начались в связи с дестабилизацией государственного управления в целом. А это свидетельствует о том, что не полиция и жандармерия, а именно российский престол был не готов к выпавшим испытаниям.

Силами полиции, жандармов и секретных сотрудников можно регулировать государственную политику, но длительное время осуществлять ее таким образом невозможно ни при каком режиме!

Мы не склонны идеализировать полицейскую систему Российской империи в целом и соответствующие структуры Украины в частности, но представляется бесспорным, что они занимали чрезвычайно важное место в государственной машине. Их полномочия и реальные возможности значительно превышали соответствующие показатели других ведомств, хотя зачастую и выходили за рамки дозволенного в цивилизованном обществе. Это позволяло использовать относительно небольшой, хорошо отрегулированный аппарат тайной полиции в сочетании с жандармами и более многочисленной, но разрозненной общей полицией достаточно эффективно в интересах государства.

Вызывает огорчение употребление в современной научной литературе таких категоричных выводов о методах работы полиции, будто они “являются гимном человеческого злодейства”, что “это момент позора, беспредельного коварства”⁴⁶. Если перед нами не политиканство, то вероятней всего лишь всплеск эмоций интеллигента, не обремененного обязанностью систематически сталкиваться с противоборством отдельных индивидов и целых групп, выражающих несовместимые интересы. Неважно, касается ли это проблем политики, экономики, уголовного мира либо просто чьих-то личных амбиций. Это реалии жизни, а значит, такие формы борьбы были, есть и будут. Названные полномочия устанавливаются не кем-либо, а правительством,

“лучшими представителями общества”. Стоит ли после этого клеймить позором полицейские чины за их стремление как можно полнее и добросовестней выполнить задачи, определенные для них государством? Ведь это следствие, а следует искать причины. Каково общество, каков в нем режим – таковы и нравы!

Реалии сегодняшнего дня ставят в ряд задач первостепенной важности изучение механизмов и особенностей административно-правового воздействия силовых структур государства на общественные процессы социально-политического и экономического характера. В этой связи анализ событий, составляющих все разнообразие предшествующего исторического опыта, может дать ответы на многие из современных проблем. В научном плане весьма ценным представляется продолжение работы по ликвидации последствий догматических установок, культивировавшихся в недавнем прошлом. Не менее актуальной является разработка истории национальных правоохранительных структур с точки зрения формирования новых мировоззренческих установок, идеологии взаимоотношения государственных институтов и общества.

---

¹ Свод законов Российской Империи. Ч. II. Учреждение государственное. Гл. 4. Учреждение полиции. – Ст. 637. – СПб., 1909. С.231–232.

² См.: Там же. – Ст. 691. – С.252.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 110. – Оп. 3. – Д. 3668. – Л. 4 об.

⁴ См.: История органов внутренних дел дореволюционной России. – Москва, 1984. – С.79.

⁵ См.: *Шутов А.Ю.* Территориальные органы управления в истории России: Опыт административно-политического участия // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 1997. – № 6. – С.89.

⁶ См.: Свод законов об обязанностях полиции. – СПб., 1909. – Ст. 632. – С.224.

⁷ См.: ГАРФ. – Ф. 110. – Оп. 11. – Д. 431. – Л. 2–4.

⁸ Там же. – Л. 67.

⁹ Там же. – Ф. 102. – Оп. 63. – Д. 32, – Ч. 2. – Л. 10.

¹⁰ См.: *Посохов С.И., Ярмыш А.Н.* Губернаторы и генерал-губернаторы. – Харьков, 1997. – С.23.

¹¹ *Ярмыш А.Н.* Карательный аппарат самодержавия на Украине (1895 – 1917 гг.): Дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1991. – Л. 40.

¹² ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 289. – Д. 46. – Т. 2. – Л. 39–44.

¹³ Там же. – Оп. 215. – Д. 50. – Ч. 2. – Л. 2, 9.

¹⁴ Отчет о деятельности сыскного отделения Киевской городской полиции за 1906 год. – К., 1907. – С.1.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3. – Т. XXVIII. – № 30672.

¹⁶ См.: Вестник полиции. – 1908. – № 7. – С.8.

¹⁷ См.: *Морозов В.М.* Российские и зарубежные полицейские и милицейские системы: происхождение и развитие. – Владимир, 1999. – С.16.

¹⁸ Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. Прил. 5 к законопроекту о преобразовании полиции в Империи. – СПб., 1913. – С.14.

- ¹⁹ Учреждение полиции с постатейным объяснением. Проект. Приложение 2 к законопроекту о преобразовании полиции в Империи. – СПб., 1913. – С. 66.
- ²⁰ Государственный архив Самарской области. – Ф. 468. – Оп. 1. – Д. 592. – Л. 7.
- ²¹ Таблица составлена по: Примерные штаты городской и уездной полиции... – СПб., 1911. – С. XVI, 4, 12, 24, 28, 32, 46, 56, 280, 388.
- ²² См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства ... (СУ). – 1897 г. – Ст.148.
- ²³ ГАРФ. – Ф. 110. – Оп. 1. – Д. 93. – Л. 1.
- ²⁴ Там же. – Оп. 3. – Д. 3599. – Л. 10.
- ²⁵ См.: Там же. – Д. 2624. – Л. 2, 3.
- ²⁶ См.: Там же. – Ф. 110. – Оп. 3. – Д. 2657. – Л. 2, 7, 13 об., 14.
- ²⁷ Там же. – Д. 3668. – Л. 4 об.; Там же. – Оп. 2. – Д. 18310. – Л. 16.
- ²⁸ Там же. – Д. 3599. – Л. 8–9.
- ²⁹ Шильдер Н.К. Николай Первый. – СПб., 1830. – Т. 1. – С.780.
- ³⁰ См. Майский С. “Черный кабинет”. Из воспоминаний бывшего цензора // Былое. – 1918. – № 8 (13). – С.185–197; Спиридович А. Записки жандарма. – Москва, 1991. – С.224.
- ³¹ См.: Меньшиков Л.П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций в России. Ч. II. Вып. 2. – Москва, 1929. – С.77, 78.
- ³² Спиридович А. Указ.соч. – С.150.
- ³³ ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 226. – Д. 300. – Ч. 18. – Л. 14.
- ³⁴ Кошель П. История российского терроризма. – Москва, 1995. – С.297.
- ³⁵ См.: ГАРФ. – Ф. 110. – Оп. 3. – Д. 2728. – Л. 6 об.
- ³⁶ Там же. – Оп. 262. – Д. 16. – Л. 1; Оп. 260. – Д. 15. – Л. 49.
- ³⁷ Там же. – Ф. 435. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 3.
- ³⁸ См.: Katkow G. Russia, 1917. The February Revolution. – London, 1967. – P. 422; Минц И.И. История Великого Октября. Т. 1. Свержение самодержавия. – Москва, 1977. – С.403.
- ³⁹ Государственный архив Нижегородской области. – Ф. 918. – Оп. 8. – Д. 396. – Л. 22 об.
- ⁴⁰ ГАРФ. – Ф. 435. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 50.
- ⁴¹ Покушение произошло в Киевском оперном театре, находящемся под особой охраной в связи с посещением его императорской семьей.
- ⁴² См.: Боханов А.Н. Николай II. – Москва, 1997. – С.266.
- ⁴³ См.: Жухрай В. Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. – Москва, 1991. – С.160–186; Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. – Москва, 1989. – С.138; Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. В эпоху потрясений и реформ... – Москва, 1996. – С.155.
- ⁴⁴ См.: ГАРФ. – Ф. 111. – Оп. 4. – Д. 215. – Л. 1 об., 2.
- ⁴⁵ Там же. – Л. 5 об.
- ⁴⁶ Анисимов Н.Н. Тайная политическая полиция самодержавия и российская социал-демократия. (1903–1917 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 1992. – Л. 386.